

ВЕЛИКИЙ, МОГУЧИЙ, РУССКИЙ

ЕСЛИ ПЬЕСА КАЧЕСТВЕННАЯ, МНОГОСЛОЙНАЯ, ТО БУДЕТ СТОЛЬКО ЖЕ МНЕНИЙ, СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ

После двух резонансных читок Russian boy в Москве и екатеринбургском EverJazz, полных предельно острых моментов и нецензурной лексики, драматург Дмитрий Соколов, ученик Николая Коляды увез пьесу в Европу для постановки в Ольденбургской государственной опере.

Как родилась идея пьесы?

Я пишу три года и только то, о чем я знаю, о чем болит внутри. С одной стороны, Russian boy гей-драма, тема достаточно табуированная. Но это лишь поверхностный слой. Здесь вскрывается общечеловеческая проблема не-терпимости. И касательно не только России — в любой стране мира жители крупных городов более или менее толерантны, но стоит уехать за сто километров от мегаполиса человеку, чем-то отличающемуся от массы, будет, мягко говоря, нелегко и опасно. Это история о человеке, который хочет счастья, но не знает, как к нему прийти. И для меня это, своего рода, внутренний поиск. Я сам так живу, стараюсь быть лучше, не делать ошибки. Но они случаются. Как у всех.

Вы готовитесь к премьерной постановке пьесы. Почему в Германии?

Russian boy вошла в ежегодный сборник лучших европейских пьес. Спектакль в Германии — это только первый шаг. Кстати, сначала пьеса называлась «Родной», но оказалось

невозможным перевести на немецкий, чтобы было понятно, что, с одной стороны, это название поселка, в котором происходит действие, с другой — самый близкий человек. Так появился Russian boy, в транслите — «Русский бой». Вообще, стояла задача смыслового перевода, где-то с заменой слов. Я против пластмассовых текстов в современной драматургии, поэтому не избегаю нецензурной лексики, теперь и на немецком языке — бывают моменты, когда она не просто оправдана, а является единственно точным способом передачи мысли, чувства, сюжета. Увы, дебютный спектакль состоится не в России. Впрочем, у нас менталитет — «заграничное — это модно». И если автор поставлен в Европе, то российский театр смотрит на него с большим интересом.

С чем связана «неотзывчивость» соотечественников?

Театры занимают самоцензуру, выбирая позицию «классика вечна», не верят в своего зрителя. И в то же время борются за то, чтобы привлечь молодую публику. Но поколения ме-

няются, и невозможно из года в год смотреть «Чайку» или «Дядю Ваню». В сегодняшнем мире есть другие темы, которые мы не можем не замечать. Если бы великий Чехов в свое время думал, о чем можно говорить со зрителем, о чем нельзя, он бы не написал ничего. И я как современник хочу показывать сегодняшний день и реальные проблемы, которые есть у моего поколения. Я с детства влюблен в театр и буду писать для него честно и открыто, пока есть, что сказать. В планах снимать фильмы по собственному сценарию — этому учусь сейчас у Хотиненко, Фенченко и Финна на Высших курсах сценаристов и режиссеров кино.

Как реагировали зрители на читке пьесы?

Случайных зрителей в Ever Jazz не было — пришли близкие друзья, те, кто не падает в обморок от жесткого слова со сцены и не призывает РПЦ «прекратить безобразия». Но даже здесь, среди подготовленной публики я видел страхи и неприятие. После читки с актерами Кирилла Серебренникова в Москве зал тоже разделился на две группы. Кто-то понял пьесу, как историю взросления, увидел, как парень из унылого быдла трансформируется и со-

вершает мужские поступки. Другие говорили, что это тема падения, разрушения человека. Мне же хотелось сделать героя многослойным: с одной стороны, он делает какие-то ужасные вещи в отношении себя самого и окружающих, возможно, вызывая у зрителя отвращение, с другой — на последние деньги покупает корм для бездомной кошки, спасая ее от голодной смерти. И тем более, это не история как стать геем, это призыв понять внутренний мир ближнего. Мы все разные, но у нас одно стремление — быть счастливыми. А хороший герой или плохой — каждый зритель решает для себя сам.

Ваши произведения — это пьесы для ума или для души?

Конечно, второе. В каждой пьесе я затрагиваю тему, которая лично мне мешает двигаться дальше: детская боль, обида, переживание. Драматургия в принципе не строится на том, что «все хорошо». Я могу придумать сюжет, потому что в моей жизни попросту не было столько историй, но переживания моих героев — это реальные сожаления, отчаяния, которые я испытывал. Когда только начинаю писать, бывает, все внутри трясется, нет слов, больно и страшно, как вслух сказать все, что думаю и чувствую. Но в конечном итоге пьеса становится пищей для души, способом самоисцеления и проработки проблемы, как сеанс психотерапии. Тема, конечно, остается, но уже не болит. А если говорить совсем глобально, то каждый раз есть надежда, что мой труд кому-то поможет, что-то изменит.

ТЕКСТ: НАТАЛИЯ КАЛАШ. ФОТО: АНДРЕЙ ПИТОЦКИНСКИЙ